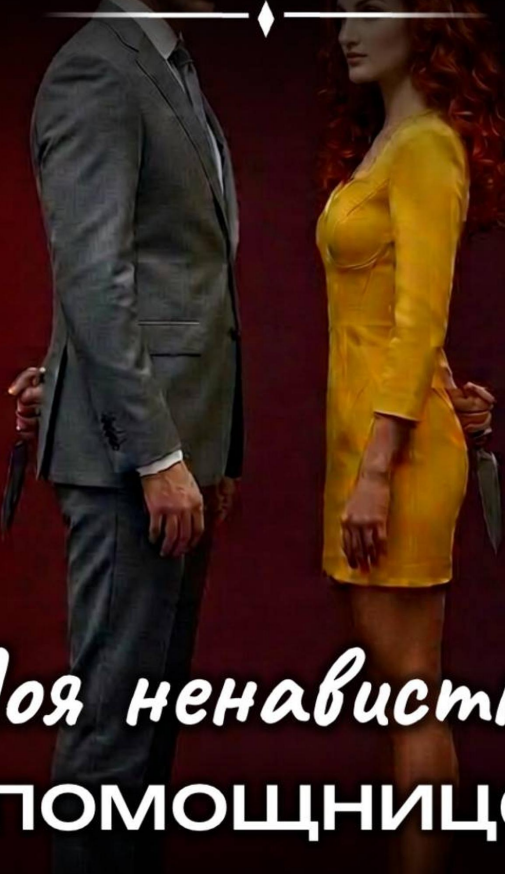

АНАСТАСИЯ СУМЕРКИНА

Моя ненавистная ПОМОЩНИЦА

СЛР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Цикл «Вертикаль власти»

18+

Анастасия Сумеркина

Моя ненавистная помощница

<https://litres.ru/74121024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Соня Ветрова — та ещё тигрица. Шесть лет она сама рулила агентством «Вспышка», вытаскивая блогеров из дерьма и зарабатывая на их же глупости. Но когда крупнейший медиахолдинг предлагает выкупить её компанию за сумасшедшие деньги, Соня подписывает договор, не глядя, а зря, поэтому вместо обещанной должности заместителя она теперь помощница.

Кофе в девять утра. Переделывать презентации. Терпеть сарказм невыносимого начальства. И главное — не убить его, когда он снова называет её «Сонечка».

Офисный роман, где вместо цветов — дедлайны, вместо свиданий — ночные переработки, а вместо «я тебя люблю» — «ты меня доведёшь, Ветрова».

Если вы любите дерзких героинь, холодных боссов с тёплым сердцем и юмор, от которого проливается кофе на клавиатуру, — это ваша книга.

Внимание: после прочтения вы, возможно, захотите веник в офис.

Содержание

Пролог. Гори, всё ясно	4
Глава 1. Игра по-крупному	13
Глава 2. Встреча с прошлым	21
Глава 3. Попа в пах,или Добро пожаловать в ад	30
Глава 4. Это вам немелкий шрифт, а хуже	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анастасия Сумеркина

Моя ненавистная помощница

Пролог. Гори, всё ясно

— Сонь, ты это видишь? — голос Леры в наушниках вибрирует от предвкушения шоу.

Я даже отрываться от монитора не стала. Ещё чего. У меня тут план спасения мира и три отчёта, которые горят огнём.

— Дай угадаю: опять кто-то из наших «звёзд» ляпнул херню?

— Ляпнул — это мягко сказано. — Лера довольно хмыкает и поправляет сползший с пледа ноутбук. В зуме видно только её лицо и край подоконника — она всегда так ставит камеру, чтобы не было видно инвалидной коляски. Говорит, так ей комфортнее. — Скинула в чат. Там такое... Я даже заскринила на память, вдруг удалят.

Я бросаю взгляд на всплывшее окно с сообщением и даю кофе.

Артур Соболев. Блогер-миллионник. Тот самый, у которого интеллект волнистого попугайчика, зато рекламные контракты каплют как из рога изобилия. Вчера в прямом

эфире, отвечая на вопрос подписчицы, почему он расстался с очередной девушкой, выдал:

«Слушайте, девушки, вы иногда такие тупые курицы, что просто жесть. Я ей говорю: Ты куда все мои носки дела? А она мне про какие-то чувства. Какие нафиг чувства, когда носков нет?»

Дальше шла десятиминутная лекция о том, что «баба должна знать место» и что «носки — святое».

Я снимаю наушники и выдыхаю. Медленно. Глубоко. Считаю до десяти. Не помогает.

— Лера.

— Да, моя повелительница кофе и дедлайнов?

— Ты почему мне вчера не сказала, что этот дебил выходит в эфир без подготовки?

— Я говорила! — Лера поднимает руки в кадре. — Ты сказала: «Лера, отвали, у меня тут тендер». Я отвалила. Виновата.

Виновата. Я виновата. Потому что мы опять разгребаем последствия чужого слабоумия.

Смотрю на часы. 9:15 утра. Скандал завирусился часов шесть назад. Под новостным постом в телеграм-канале уже десять тысяч комментариев, девушки массово отписываются, а одно феминистское сообщество пообещало «сделать из Артура котлету».

Блогер, сука, миллионник. Любимец девочек-подростков. Идиот редкостный.

— Капец ему, — командую я, набирая его номер сама.

Артур берёт трубку после пятого гудка. Голос сонный, довольный, будто только что трахнул жизнь, а не собственный рейтинг.

— Сонечка, привет! Ты по поводу эфира? Классно же получилось, да? Зашкварчик небольшой, но хайп — он и есть хайп.

Я закрываю глаза. Представляю тёплое море и то, как я топлю в нём этого кренделя. По очереди со всеми его носками.

— Артур, ты охренел? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю прикусить язык. — Ты назвал свою аудиторию, которая тебе приносит бабло, тупыми курицами!

— Ну, Сонь, ну чисто по-братски — они же реально тупые иногда. Ты бы слышала, какие вопросы задают...

— Я слышала, какие ответы ты даёшь! — рявкаю я, и в голосе проскальзывает то, что Лера называет «рык тигрицы перед смертельным номером». — Слушай сюда, горе ты луковое. Делаешь ровно то, что я скажу, или я умываю руки, и завтра ты будешь продавать свои услуги на рынке, потому что рекламы у тебя не будет. Усёк?

Артур вздыхает, но спорить не рискует. Знает, что, если Ветрова сказала — лучше делать. Я засекаю время.

— Через час у тебя выходит сторис. Ты сидишь, лохматый, без фильтров, с красными глазами — не выспавшийся будто. Я сейчас пришлю к тебе нашу Юлю-визажистку, она

нарисует тебе слезливый и угрюмый фейс. Говоришь: «Ребята, я вчера на эмоциях наговорил ерунды. Простите меня, дурака. Вы самые лучшие, вы моя семья. И в знак того, что я правда раскаиваюсь — среди всех, кто сделает репост этого видео, я разыгрываю три айфона и поездку в Турцию для двоих».

Артур присвистывает.

— Три айфона? Сонь, это до хрена бабла...

— Это дешевле, чем потерять репутацию, Артур. И да, все расходы, чтобы сегодня же оплатил агентству. Будешь знать, как носки искать.

Кидаю трубку. Смотрю на монитор.

Прошло двенадцать минут.

— Ну ты как всегда, — Лера в зуме утирает слёзы смеха.

— Три айфона и Турция. Прямо спасательница мира. Медаль давать?

— Медаль себе в задницу засунь, — огрызаюсь я беззлобно. — Кофе лучше налей себе, денёк будет долгим. И проследи, чтобы он видео записал нормально, а не начал опять умничать.

— Есть, капитан. — Лера отъезжает чуть назад, и я на секунду вижу край спинки её коляски. Она ловит мой взгляд и тут же подъезжает ближе к столу, снова оказываясь в кадре по пояс. — Всё, уже не видно?

— Лер, — вздыхаю я. — Ты когда уже перестанешь прятаться?

— Когда научусь летать. — Она подмигивает. — Работаем, начальница.

Я откидываюсь на спинку кресла и только сейчас понимаю, что всё это время сидела в позе струны. Спазм в шее напоминает, что я не спала нормально уже неделю.

Лера права. Спасательница мира. Только мир об этом не просил, а клиенты вечно норовят выступить и опозориться.

Почта пиликает. Я тыкаю мышкой, ожидая очередной счёт или письмо от недовольного заказчика, но вижу:

«Медиа-Дом: предложение о сотрудничестве / Макар Герасимов»

Холдинг «Медиа-Дом». Алла Градова. Гиганты. Те, у кого бюджетов больше, чем у меня волос на голове (а их, между прочим, до фига). Несколько ТВ-каналов в том числе федеральных, крупнейший онлайн-кинотеатр в стране, я уже молчу о радиостанциях, интернет-платформах и печатных СМИ. Интересно зачем мы им?

Открываю, пробегаю глазами.

Выкуп агентства. Сохранение штата. Должность для руководителя по направлению блогинг и В-лист (Прим.авт.: список знаменитостей не на слуху, но узнаваемых). Сумма... Господи, сумма такая, что у меня сердце пропускает удар. Там столько нулей, что я сбиваюсь на третьем.

Я пересчитываю ещё раз, медленнее. Макар Герасимов. Фамилия кажется знакомой, но мозг отказывается копаться в воспоминаниях, потому что там такие деньги.

— Лера, — говорю я охрипшим голосом.

— А?

— Я, кажется, сейчас в обморок упаду.

— Ты не ела опять сегодня? — Лера даже не смотрит на меня, возится со своим ноутбуком.

— Лера, блин, посмотри на меня.

Она поднимает глаза, видит моё лицо и мгновенно становится серьёзной.

— Что случилось? Артур опять что-то ляпнул? Я щас сама ему позвоню, я этому козлу...

— Медиа-Дом предлагают нас выкупить.

Пауза. Лера моргает.

— Чего?

Я пересылаю скрин письма в чат, чтобы она видела. Читает. Глаза у неё становятся размером с те самые айфоны, которые я только что пообещала разыграть.

— Ни фиги себе, — выдыхает Лера. — Сонь, это... это пиздец как круто. — Она тут же прикрывает рот ладошкой. — Ой, прости. Но это реально круто. Ты же об этом мечтала!

Я киваю, но в голове какой-то звон. Мечтала. Выйти на другой уровень. Работать с политиками, с большими бюджетами. А это очень большой шанс, так как именно этот медиа-холдинг имеет эксклюзивный контракт непосредственно с государственным аппаратом. А тут — вот оно, само в руки плывёт.

Набираю папу. Зум включается мгновенно.

Папа сидит на кухне, пьёт чай из большой кружки, на фоне — старая шахматная доска, за которой он просиживает вечера, да и дни тоже. Мама где-то гремит посудой.

— Сонечка! — он улыбается, и на душе сразу теплеет. — Ты чего такая взъерошенная?

— Пап, ты сидишь?

— Сижу.

— Ты чай пьёшь? — зачем-то уточняю.

— Пью. С мятой.

— Пап, «Медиа-Дом» предлагает выкупить «Вспышку». Там... там очень много денег.

Папа ставит кружку, смотрит внимательно. Я вижу, как в голове у него проносится куча мыслей — от «дочка, ты уверена?» до «а не кидалово ли это?».

— Дочка, — говорит он наконец. — Не читай мелкий шрифт.

— Что?

— Не читай, — он усмехается в усы. — Если сумма хорошая и условия приличные — соглашайся. А шрифт... шрифт всегда можно перечитать, если что-то пойдёт не так. Жизнь — она для смелых, Соня.

Я смотрю на папу, на его спокойное лицо, на маму, которая выглядывает из-за его плеча и показывает мне большой палец, и принимаю решение.

— Я согласна, — выдыхаю я.

Даже не смотрю, кто там подписант. Какая разница? Это

мой шанс.

Папа кивает.

— Умница. Звони, если что.

Зум отключается. Я сижу, смотрю в монитор, и только краем глаза замечаю в письме строчку:

*«С уважением, руководитель PR-службы медиа-холдинга
«Медиа-Дом» Макар Герасимов».*

Макар Герасимов.

Где-то в глубине памяти ёкает. Какой-то мутный образ — высокий блондин с ледяными глазами, с которым мы вечно спорили в универе до хрипоты. Который называл меня «выскачкой» и смотрел так, будто я пустое место.

Но это было сто лет назад. Мальчишки из прошлого. Это точно не он, он живет в Штатах много лет. Каюсь, наводила справки.

Я закрываю письмо и набираю Лере:

— Лер, собирай команду. Кажется, у нас большие перемены.

— Офигеть, — Лера улыбается во весь рот. — Сонь, я так за тебя рада. Ты достойна.

— Мы достойны, — усмехаюсь я. — Посмотрим.

Но внутри уже разгорается азарт. Наконец-то. Наконец-то я вырвусь из этого болота блогерских скандалов и грязных трупов. Наконец-то настоящая работа.

Я ещё не знаю, что через неделю буду стоять в переговорной «Медиа-Дома» и смотреть в самые ледяные глаза, а во

рту будет горчить вкус «а вот фиг тебе, Ветрова».

Но это уже совсем другая история.

Глава 1. Игра по-крупному

POV Макар

Месяцем ранее

Самолёт касается посадочной полосы Шереметьево в тот самый момент, когда у меня в наушниках заканчивается очередной деловой подкаст и начинается «вдумчивый джаз для медитации».

Я снимаю наушники и смотрю в иллюминатор. Москва встречает серым небом, морозящим дождём и пробками, которые уже зависли на всех подъездах к городу. Пять лет. Пять лет я не был здесь. И честно говоря, не планировал возвращаться.

Но мать позвонила сама. А когда Алла Градова звонит лично — это не предложение. Это приказ, завернутый в бархатную обертку материнской заботы.

«Макар, сынок, мне нужна твоя помощь. Холдингу нужен свежий взгляд. Ты же у меня лучший. Приезжай, просто поговорим».

Я усмехаюсь, вспоминая этот разговор. Лучший. Её любимое слово. Лучший — значит, должен пахать за троих и не ждать благодарности. Лучший — значит, можешь ошибиться, но только один раз, и чтобы никто не заметил.

Выхожу из терминала, и меня сразу обволакивает сырая московская прохлада, несмотря на позднюю весну. Водитель

уже ждёт с табличкой. Чёрный Mercedes, тонированные стёкла — мать не изменяет себе.

— Макар Викторович? — мужчина лет пятидесяти с лицом бывшего военного почтительно открывает дверь. — Алла Валерьевна ждут вас в офисе. Просили передать, чтобы вы сразу приезжали.

— Даже чемодан завезти не разрешили? — интересуюсь я без особой надежды.

— Простите, — водитель разводит руками. — Сказали, срочно.

Я сажусь в машину и смотрю на проплывающие за окном пейзажи. Пять лет. А ничего не изменилось. Те же пробки, те же лица, та же безнадёга в глазах людей в маршрутках. И только башни «Москва-Сити» растут, как грибы после дождя, напоминая, что деньги здесь по-прежнему пахнут не только нафталином.

Главный офис «Медиа-Дома» занимает три верхних этажа в одной из этих башен. Стекло, бетон, минимум декора, максимум пафоса. Мать встречает меня в приёмной — подтянутая, идеально одетая, с укладкой, которая стоит как моя месячная зарплата в Штатах.

— Макар! — она подходит и целует меня в щёку, оставляя лёгкий шлейф духов. — Как долетел?

— Отлично, — киваю я. — Если не считать, что меня прямо из аэропорта тащат на работу.

— Работа подождёт, — отмахивается она, но я знаю эту

интонацию. Ничего не подождёт. Всё горит, всё срочно, и только я могу спасти положение.

Мы проходим в её кабинет. Мать садится за огромный стол из чёрного дерева, жестом предлагает мне занять кресло напротив. На стене за её спиной — плазменная панель с новостной лентой, по которой бегут заголовки: кто-то с кем-то поссорился, кто-то кого-то обогнал по рейтингам, очередной скандал в Госдуме, которые сменяются таблицами рейтингов продуктов холдинга.

— У нас проблема, — без предисловий начинает Алла Валерьевна.

— Я догадался. Ради «как дела?» ты бы меня из Штатов не выдернула.

Она пропускает мой сарказм мимо ушей. Привыкла.

— Холдинг растёт. Мы закрываем сделки, берём новые проекты, но есть одна дыра в департаменте пиара, которую никак не можем заткнуть. Сегмент блогеров, начинающих звёзд, знаменитостей В-листа.

Я поднимаю бровь.

— Серьёзно? Вы хотите сказать, что у «Медиа-Дома», который рулит выборами в Госдуму и пиарит крупнейшие корпорации, нет ресурсов на каких-то тик-токеров?

— У нас есть ресурсы, — мать говорит спокойно, но я вижу, как на скулах играют желваки. — У нас есть профи высшего уровня. Люди, которые могут техногенную катастрофу превратить в праздник урожая и природы. И я не собираюсь

разбазаривать их на то, чтобы разруливать скандалы между каким-нибудь двадцатилетним долбо... — она осекается, — блогером и его бывшей девушкой.

Я почти улыбаюсь. Мать всегда следит за языком, но иногда эмоции прорываются.

— И что ты предлагаешь?

— Купить готовое агентство. — Она кладёт передо мной папку с логотипом холдинга. — Со всем штатом. Чтобы они работали от нашего имени, но под нашим контролем. Конtrakты есть, рынок растёт, а мы простаиваем. Да и чем больше мы соберем интернет-инфлюенсеров под свое крыло, тем легче будет управлять общественным мнением в нужный момент.

Я открываю папку. Там пара листов с техническим заданием, бюджетом и критериями отбора.

— Я должен найти лучшее в сегменте, — читаю я вслух. — Перекупить со всем штатом. Директору предложить либо отступные, либо должность твоего зама.

— Твоего зама. Ты же не думаешь, что я выдернула тебя домой только ради покупки какого-то агентства — поправляет мать. — Ты будешь руководить департаментом пиара, старый начальник слег с инсультом, не выдержав молодых да борзых. Так что директор агентства, если согласится остаться, попадёт прямиком к тебе в подчинение.

Я смотрю на неё в упор.

— Ты поэтому меня позвала? Потому что тебе нечем за-

крыть дыру в штате?

— Я позвала тебя, потому что ты лучший, — она снова использует это слово, и оно уже начинает скрежетать по нервам. — И потому что только ты сможешь интегрировать новых людей так, чтобы они не развалили нам всю структуру, при этом грамотно управляя старым штатом. Я следила за твоей деятельностью в Вашингтоне.

Я молчу, переваривая информацию.

— Сроки? — спрашиваю наконец.

— Вчера. — Мать позволяет себе лёгкую улыбку. — Но я дам тебе неделю на поиск и ещё неделю на переговоры. Дальше тянуть нельзя.

Я встаю, забирая папку.

— Я позвоню, когда будет результат.

— Макар, — окликает она меня уже у двери. — Это важно. Не подведи.

Я оборачиваюсь и смотрю на неё долгим взглядом.

— Я никогда тебя не подводил, мама. Вопрос в том, замечала ли ты это.

Она ничего не отвечает, и я выхожу в коридор, где меня уже ждёт секретарь с ключами от квартиры, которую мама заботливо мне одолжила, и кофе в одноразовом стаканчике.

Неделя поисков выматывает сильнее, чем годы работы в Штатах.

Я прочёсываю рынок вдоль и поперёк. Агентств, которые работают с блогерами, в Москве до хрена. Агентств, кото-

рые делают это качественно — единицы. Большинство — шарашкины конторы, где сидят двадцатилетние девочки с айфонами и считают себя гениями пиара, потому что договорились с каким-то пятитысячником о рекламе за шаурму.

Я читаю отзывы, изучаю кейсы, звоню клиентам под легендой «маркетинговое исследование». И с каждым днём всё больше мрачнею.

Мать права. Рынок растёт, а профессионалов на нём — кот наплакал.

На пятый день я натыкаюсь на агентство «Вспышка».

Сначала меня цепляет название. Коротко, ёмко, запоминается. Потом — отзывы. Их много, и они все странные. Не заказные, не шаблонные. Клиенты пишут развёрнуто, с деталями, благодарностью. Блогеры, которые благодаря «Вспышке» вылезли из болота, начинающие артисты, которым помогли с первыми контрактами.

Я углубляюсь в изучение. Смотрю кейсы. Там есть и реально сложные — скандалы, которые разруливали в считанные часы, репутационные кризисы, которые заминали так, что пресса даже не чихнула.

Агентство оформлено на Владимира Петровича Ветрова. Бывший чиновник, на пенсии. Я пробиваю его по базам — чистая биография, никаких скандалов, работал в администрации, вышел на пенсию пару лет назад.

И тут у меня в голове не сходится.

Бывший чиновник, пусть даже очень грамотный, собира-

ет штат молодых пиарщиков и рулит агентством в сегменте блогеров? Да ещё так успешно, что клиенты молятся на него?

Я звоню паре клиентов «Вспышки», представляюсь аналитиком рынка. Разговоры только укрепляют моё удивление.

— Владимир Петрович? Аааа, «Вспышка»! О, это гении! Их агентство такие схемы выдаёт — закачаешься. А команда — звери. Молодые, дерзкие, но под руководством его главной девочки — просто машина.

— А вы с ним лично общались? — словосочетание «главная девочка» смутило меня.

— Ну да, он на переговорах был при заключении контракта. Солидный мужчина, с юмором. В шахматы, говорят, играет профессионально.

Я кладу трубку и долго смотрю в потолок.

Что-то здесь не так. Слишком гладко. Слишком правильно. Бывший чиновник, шахматы, юмор, гениальные схемы — и при этом ни одного прокола?

Но факты упрямы. Работа «Вспышки» говорит сама за себя. Если это реально его заслуга — тем лучше. Значит, мать получит не просто агентство, а готовую структурную единицу.

Я сажусь за письмо.

Формулирую официальное предложение — сухо, деловито, без лишних эмоций. Холдинг «Медиа-Дом» рассматривает возможность приобретения агентства «Вспышка» на взаимовыгодных условиях. Просьба рассмотреть предложе-

ние и связаться для назначения встречи.

Подпись: Макар Герасимов, руководитель департамента PR-службы медиа-холдинга «Медиа-Дом».

Отправляю и откидываюсь на спинку кресла.

В голове мелькает мысль, что фамилия Ветрова кажется мне смутно знакомой. Но я не придаю этому значения. В России всё друг другу кажутся знакомыми.

Через три дня приходит ответ.

Короткий, деловой, без лишних деталей. Владимир Петрович Ветров согласен на встречу. Четверг, двенадцать часов дня, офис «Медиа-Дома». Будут присутствовать представители агентства.

Я выдыхаю.

Осталось только дожить до четверга и не облажаться перед матерью.

Я ещё не знаю, что через несколько дней буду стоять в переговорной и смотреть в глаза рыжеволосой фурии, которая когда-то пила мою кровь в университете. И что эта встреча перевернёт всё, что я планировал.

Но это будет потом.

А пока я просто делаю свою работу.

И, как всегда, делаю её хорошо.

Глава 2. Встреча с прошлым

POV Макар

Четверг, двенадцать часов дня.

Я захожу в переговорную первым — так надо. Показывать сомнения или задерживаться на пороге значит сразу уступить позиции. За моей спиной втягиваются юристы, финансовый директор, мой новый секретарь Игорь — мальчик лет двадцати пяти с блокнотом и испуганным взглядом. Стекла здесь панорамные, вид на Москву открывается умопомрачительный. Дорогая мебель, хромированные ручки, графин с водой на столе — всё дышит статусом. Мать умеет создавать антураж.

Я сажусь во главе стола, раскладываю документы. Киваю Игорю — тот разливает воду по стаканам. Остальные рассаживаются по обе стороны от меня, образуя живой щит профессионализма.

Ждём.

Дверь открывается ровно в двенадцать ноль-ноль. Пунктуальность — это уже плюс.

Первым входит мужчина лет шестидесяти, седой, с открытым лицом и лёгкой улыбкой. Владимир Петрович Ветров — я узнаю его по фотографии из открытых источников. Выглядит солидно, но без пафоса. Следом за ним...

Я замираю.

Внутри — на долю секунды, которую ни один мускул на моём лице не отражает. Потому что следующей в переговорную входит **она**.

Рыжие волосы — уже не те безнадежно торчащие в разные стороны кудри, которые вечно лезли ей в глаза на лекциях. Сейчас они уложены в небрежный, но продуманный пучок, из которого выбиваются несколько прядей — ровно настолько, чтобы выглядеть стильно, а не неряшливо. На ней тёмно-синий брючный костюм, который сидит так, будто сшит на заказ. Узкая талия, подчёркнутая широким поясом, и — я ловлю себя на том, что рассматриваю её дольше положенного — фигура, которая в университете казалась угловатой и подростковой, теперь обрела те самые женственные очертания, от которых трудно оторвать взгляд. Всё при ней. Всё на месте. Даже слишком.

Я моргаю и возвращаю лицу выражение деловой отстранённости.

Соня Ветрова.

Выскачка. Крикливая, невыносимая, вечно лезущая поперёк батьки в пекло. В университете мы сталкивались лбами так часто, что я сбился со счёту. Она спорила по каждому поводу, даже когда была не права. Особенно когда была не права. Я ненавидел её самодовольную улыбку, её манеру скидывать подбородок и смотреть свысока, хотя ростом она мне едва до плеча доставала.

И вот она здесь. Через пять лет. В моей переговорной.

Что она тут делает? Помощница генерального? На такие сделки рядовых сотрудников не берут. Ладно. Неважно.

Я встаю, приветственно кивая. Со мной поднимаются остальные.

— Владимир Петрович, добрый день! — мой голос звучит ровно, деловито, будто я и правда рад этой встрече. — Рад вас видеть в нашем медиа-холдинге «Медиа-Дом». Меня зовут Герасимов Макар Викторович, я руководитель департамента PR-службы.

Я смотрю только на того, у кого собираюсь купить компанию. На Соню — ноль внимания. Если это та самая Ветрова, которую я помню, она уже закипает от такого игнора. Что ж, тем лучше. Пусть знает своё место.

— Вы уже успели изучить договор, который мы вам направили?

Отец открывает рот, чтобы ответить, но Соня его опережает.

— Макар, — её голос врывается в тишину переговорной, как нож в масло. — Не помню, как вас там по батюшке. Скажите лучше, когда прибудет Алла Валерьевна?

Я медленно поворачиваю голову в её сторону. Иронично приподнимаю бровь. Та же манера. Тот же тон. И взгляд — прожигающий, дерзкий, будто она здесь главная.

Я смотрю на неё ровно секунду, после чего возвращаю внимание к Владимиру Петровичу, полностью игнорируя вопрос.

— Владимир Петрович, может быть, присядем? Обсудим детали.

Соня багровеет. Буквально на глазах. Щёки заливаются румянцем, глаза сужаются. Она делает шаг вперёд и теперь стоит напротив меня, по другую сторону стола.

— Я задала вопрос, — чеканит она. — Наше агентство будет подписывать договор только с Аллой Валерьевной. Лично. Где она?

Я позволяю себе лёгкую, почти незаметную усмешку.

— Девушка, — говорю я максимально холодно, чеканя каждое слово. — Вы могли бы не вмешиваться в наш разговор. Вы, безусловно, сотрудник агентства, которое я намереваюсь приобрести, но соблюдайте хотя бы базовую субординацию. Иначе, как только сделка состоится, я буду вынужден вас уволить.

Тишина.

Я смотрю на неё в упор и вижу, как её лицо из багрового становится белым. Она хватается ртом воздух, явно подбирая слова для ответного удара. Интересно, что она выдаст?

Но в диалог резко вступает Владимир Петрович. Он прокашливается — негромко, но весомо. И говорит то, от чего у меня внутри всё обрывается:

— Макар Викторович, не стоит так разговаривать с настоящим владельцем агентства. И с моей дочерью.

Я смотрю на него. Потом на неё. Потом снова на него. Ветрова. Владимир Петрович **Ветров**. Соня **Ветрова**.

Дочь.

Твою ж мать.

Как я сразу не обратил внимания на фамилию? Как я мог пропустить такое? Всё это время я искал владельца, изучал отчёты, разговаривал с клиентами — и ни разу не сопоставил эти две единицы. Клиенты говорили про «главную девочку» — я думал, речь о ключевом менеджере. Они говорили «Владимир Петрович» — я думал, он рулит.

Идиот.

Но виду не подаю. Никакой растерянности. Только лёгкое, едва заметное напряжение в челюсти.

— Простите? — переспрашиваю я с вежливым недоумением. — Что значит — с настоящим владельцем?

Соня делает ещё один шаг вперёд. Теперь её отделяет от меня только стол. Я вижу каждую искру в её глазах, каждую веснушку на вздёрнутом носу, каждую прядь, выбившуюся из пучка.

— То и значит, индюк напыщенный! — выплёвывает она. — Что это **моё**агентство! А мой отец лишь оформил на себя юрлицо — нам так было нужно по ряду причин. — Она переводит дыхание и добавляет с такой яростью, что даже юристы за моей спиной, кажется, сжимаются: — А ещё это значит, что пошёл ты со своим предложением о выкупе в жопу! И не делай вид, что не узнал меня. Не верю!

Она резко разворачивается к отцу:

— Папа, мы уходим.

И вылетает из переговорной, хлопнув дверью так, что стеклянная стена жалобно звенит.

Владимир Петрович смотрит на меня с лёгкой укоризной, будто я ребёнок, который не поделил игрушку с его дочерью. Пожимает плечами, словно извиняясь за её манеры, и молча выходит следом.

Дверь закрывается.

Тишина.

Я стою, глядя на опустевший проём, и чувствую, как внутри закипает что-то очень нехорошее. Не злость даже. Азарт. Чистый, дикий азарт охотника, который только что упустил добычу, но понял, что это — самый ценный трофей в его жизни.

Игорь за моей спиной шумно выдыхает. Кто-то из юристов нервно кашляет. Финансовый директор — женщина лет сорока, выдавшая виды — смотрит на меня с лёгкой усмешкой.

— Макар Викторович, — осторожно начинает Игорь. — Может, мне их догнать? Принести извинения?

— Сиди, — бросаю я, не оборачиваясь.

Медленно сажусь обратно за стол. Смотрю на разложенные документы. И вдруг — неожиданно для себя самого — улыбаюсь.

Ветрова.

Соня Ветрова — владелица агентства. Та самая «крикливая выскочка», которая пила мою кровь в универе, всё это

время рулила «Вспышкой». Собирала команду, разругивала скандалы, тащила проекты. И при этом умудрилась вырастить из угловатого подростка в женщину, от которой сложно оторвать взгляд.

Я вспоминаю, как вошла она в переговорную. Эту уверенную походку, этот костюм, сидящий как влитой и подчеркивающий её цветущую женственность, эту линию бёдер, которой раньше не было. Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

— Макар Викторович, — снова подаёт голос юрист, осторожно, будто минное поле прощупывает. — Сделка, судя по всему, сорвана. Нам готовить отказ?

Я поднимаю на него взгляд.

— Нет.

— Простите?

— Я сказал — нет. — Встаю, поправляю пиджак. — Сделка не сорвана. Просто... обстоятельства немного изменились.

Я смотрю на дверь, в которую только что вылетела рыжая — нет, не фурия. Собственница. Владелица. Противник. Короче, многоголовая гидра.

И чувствую, как в крови закипает адреналин.

Пять лет. Пять лет я строил карьеру в Штатах, работал с политиками, выигрывал выборы, которые другим были не по зубам. Вернулся в Москву, чтобы возглавить департамент, и первая же задача — купить агентство у Сони Ветровой.

Судьба издевается.

Или нет?

Я вспоминаю её глаза. Тот самый взгляд — презрительный, дерзкий, полный вызова. Таким же она смотрела на меня в университете, когда мы спорили до хрипоты. И каждый раз — каждый чёртов раз — я ловил себя на мысли, что это... заводит — само противостояние. Энергия, которая возникает между нами в воздухе. Искры, которые летают. Сейчас этих искр было столько, что можно было прикуривать. А если мы объединимся в рабочий союз, то нас будет не остановить.

— Игорь.

— Да?

— Приготовь мне всё, что есть на Соню Ветрову. Биографию, соцсети, профессиональные кейсы. И личную жизнь тоже. Дайте задание Службе безопасности. И скажите, что если они ещё раз схалтурят и не увидят то, что надо, как не увидели и не узнали перед сделкой, что реальный владелец компании не чиновник в отставке, а его дочь — то будут уволены всем своим департаментом!

Игорь моргает.

— Эм... Макар Викторович, мы будем её преследовать? В юридическом смысле?

Я усмехаюсь.

— Можно и так сказать. Но сначала — убеждать. Она нам нужна. И агентство нам нужно. Найди способ, как к ней подобраться.

Игорь кивает и быстро строчит в блокноте.

Я выхожу из переговорной, оставляя команду в лёгком недоумении.

Соня Ветрова думает, что послала меня и дело закрыто. Она не знает главного: я не привык проигрывать. И уж тем более — отступать перед теми, кто бросает мне вызов.

Агентство мне нужно. Профессионалы мне нужны. И если для этого придётся иметь дело с той, чьи глаза мечут молнии, а фигура сводит с ума...

Что ж.

Я принимаю этот вызов.

Посмотрим, кто кого.

Глава 3. Попа в пах,или Добро пожаловать в ад

POV Соня

Я вылетаю из переговорной так, будто за мной черти гонятся. Каблуки цокают по мраморному полу, в ушах стучит кровь, перед глазами всё плывёт от ярости.

Этот... этот индюк. Этот напыщенный блондинистый козёл, который сделал вид, что не узнал меня. Который посмел назвать меня «девушкой» и пригрозить увольнением. Который смотрел на меня так, будто я пустое место, приложение к владельцу, мелкая сошка.

Я ненавижу его. Ненавижу так же сильно, как в университете. Нет, сильнее. Потому что тогда он хотя бы был просто заносчивым мажором, с которым было весело спорить. А теперь он — человек, который пытается отобрать моё агентство и при этом ставит меня на место, даже не дав рта раскрыть.

Иду к лифту, нажимаю кнопку, смотрю на горящие цифры и пытаюсь отдышаться.

— Соня!

Голос папы. Догоняет. Конечно.

Я оборачиваюсь. Он идёт спокойно, как всегда, будто только что не наблюдал, как его дочь посылает руководите-

ля департамента крупнейшего медиахолдинга в пешее эротическое.

— Дочка, — говорит он, поравнявшись со мной. — Ты уверена? Может, не стоит так с ходу...

— Уверена! — перебиваю я. — Пап, ты видел его? Это же Макар Герасимов! Тот самый, из-за которого я на третьем курсе чуть не зашила себе рот, чтобы не спорить вечно! Работать с этим придурком я не буду. А уж под его руководством — тем более.

Папа вздыхает. Смотрит на меня с тем самым выражением, которое я называю «дочка, ну ты и дура, но я тебя люблю».

— Ладно, — говорит он миролюбиво. — Твоё агентство, тебе решать. Но ты хотя бы подумай. Сумма-то хорошая, до конца жизни обеспечена будешь.

— Подумаю, — вру я и захожу в лифт. — Созвонимся. Двери закрываются, и я наконец-то могу выдохнуть.

В агентство я возвращаюсь на автомате. Захожу в свой кабинет, кидаю сумку на диван, падаю в кресло и тупо смотрю в потолок минут пять. В голове крутится одна и та же мысль: **это был он**. Тот самый Макар, про которого я думала, что больше никогда в жизни не увижу. Тот, кто семь лет назад, на выпускном в универе сказал мне: «Сонечка, твой удел — это мыть полы в PR-агентстве». Я училась на 2 курса младшего его, но в нашем университете практиковались семинары в форме дискуссий, разбора кейсов, деловых игр,

участие в которых мог принять любой студент факультета. Я любила эти мероприятия и часто на них ходила, и вот в конце второго курса, на одном из семинаров мы и сцепились с Макаром, да три года и расцепиться не могли, пока Макар не выпустился первым. Жалили друг друга на переменах, на открытых семинарах спорили на профессиональном поприще, в столовой ругались из-за последней котлеты, хоть она и нафиг была мне не нужна, да, подозреваю, и ему.

И вот он здесь. И хочет купить моё агентство.

Смешно. До слёз смешно.

Потолок в моем кабинете такой привлекательный в данный момент, хоть и обычный, белый, с парой трещин — я всё собираюсь вызвать ремонтников, но вечно некогда. На стенах висят благодарственные письма от клиентов, пара грамот и большая фотография команды на корпоративе прошлым летом. Мы там пьяные, счастливые и ещё не знаем, что через год какой-то гад из моего прошлого решит нас купить.

На столе бардак: разбросаны бумаги, кружка с остывшим кофе, ноутбук, который уже час пиликает о пропущенных сообщениях. Лера, наверное, заждалась, она не только моя правая рука, но и моя лучшая подруга, которая обязана выслушивать весь мой бред.

Набираю Леру в чате, чтобы подключилась к конференции. Она появляется на экране почти мгновенно — взлохмаченная, в растянутой футболке, с чашкой чая в руке.

— О, начальница! — Лера расплывается в улыбке. — Как

переговоры? Продали душу дьяволу?

— Лера, — говорю я трагическим шёпотом. — Ты не поверишь.

— Что? Недоплатили? Я так и знала, эти холдинговые крысы...

— Лера, это Макар.

Пауза. Лера моргает.

— Макар — это кто? Сантехник? Твой бывший? Подозрительный тип с авторынка, который пытался нам втюхать Жигули 96 года под видом раритета?

— Герасимов Макар. Из универа. Помнишь, я тебе рассказывала про блондина, который вечно называл меня выскочкой и с которым мы спорили до посинения?

Глаза Леры медленно округляются.

— Тот самый? Который на последнем курсе уехал в Штаты и про которого ты говорила «чтоб он сдох, этот высокомерный индюк»?

— Да.

— Который однажды на семинаре так тебя довёл, что ты запустила в него тетрадкой?

— Да!

— И он теперь... — Лера делает паузу, переваривая. — Он теперь наш потенциальный покупатель?

— Он теперь руководитель департамента пиара в «Медиа-Доме»! — взрываюсь я. — И он сидел в переговорной, делал вид, что не узнаёт меня, и разговаривал с папой, а на

меня ноль внимания! А когда я спросила про Аллу Градову, он просто... просто сделал вид, что меня не существует! А потом ещё и пригрозил уволить, когда купит агентство!

Лера слушает, и с каждой секундой её улыбка становится всё шире.

— Сонь, — перебивает она. — Скажи честно. Ты его послала?

— В смысле?

— В прямом. Послала? Куда-нибудь подальше? В классическом стиле «пошёл ты на»?

Я вспоминаю свои последние слова в переговорной и невольно улыбаюсь.

— В жопу.

— ЧТО?

— Я послала его в жопу. Сказала: «Пошёл ты в жопу со своим предложением».

Лера издаёт такой звук, что у меня закладывает уши. Она хохочет в голос, откидываясь на спинку коляски, и я вижу, как трясутся её плечи.

— Сонька, ты прелесть! — выдавливая она сквозь смех.

— Ты просто гений! В жопу! Руководителя департамента! При юристах!

— При всех, — киваю я довольно. — И папа ещё рядом стоял.

— Офигеть. — Лера утирает слёзы. — Я бы отдала всё, чтобы увидеть его лицо. Нет, правда, записи с камер нет?

— Не знаю, — хихикаю я, и только сейчас до меня доходит, как абсурдно это звучит. Я только что послала человека, от которого зависит будущее моего агентства. В жопу. При свидетелях.

Я прыскаю со смеха. Потом ещё раз. И ещё. Это истерическое.

Мы ржём с Лерой уже в две глотки, и я тянусь к кружке с кофе, чтобы запить этот приступ истерического веселья.

Делаю глоток.

И в этот момент дверь моего кабинета открывается без стука.

Я поднимаю глаза и вижу **его**.

Макар Герасимов собственной персоной стоит на пороге, оглядывает мой кабинет, переводит взгляд на меня и открывает рот, чтобы что-то сказать.

Но сказать он ничего не успевает.

Потому что я, за секунду до этого сделавшая глоток кофе, теперь не могу сделать вдох. Кофе пошёл не в то горло. Я давлюсь, кашляю, хватаю ртом воздух, а он не идёт. Совсем.

— Соня? — голос Леры из динамиков звучит встревоженно. — Соня, что с тобой? Ты чего?

Я пытаюсь ответить, но из горла вырывается только сип. Хрип. Свист. Паника накрывает с головой. И тут Макар срысывается с места. Я не успеваю ничего сообразить. Он подлетает ко мне, рывком выдергивает из кресла, разворачивает спиной к себе, обхватывает руками и резко наклоняет впе-

рѣд.

Моя попа утыкается прямо в его пах.

В ПАХ, МАТЬ ЕГО.

Я чувствую жѣсткую ткань брюк, тепло его тела и — о боже — кажется, я сейчас умру не от удушья, а от унижения. Макар два раза с силой хлопает меня по спине между лопаток. Раз. Два. Кофе, застрявший в горле, вылетает. Я делаю судорожный вдох. Потом ещё один. Воздух врывается в лёгкие, и я осознаю две вещи одновременно:

Первая — я дышу. Вторая — я стою, уткнувшись своей задницей в пах Макара Герасимова, а его руки всё ещё обхватывают меня чуть ниже груди.

— Соня? — Лерин голос доносится откуда-то издалека.

— Соня, блин, что там? Я звоню в скорую?

— Не надо! — выдыхаю я сипло. И тут же понимаю, что это самое глупое, что можно было сказать, потому что надо было сказать совсем другое. Например: «Убери от меня свои руки, придурок».

Но я не успеваю.

Потому что включается инстинкт самосохранения, завязанный на унижении. Я начинаю брыкаться. Пытаюсь вырваться, отпихнуться от него — чем? Попой. Да, именно попой. Я пытаюсь отодвинуться, задействовав ягодичные мышцы.

Макар, видимо, не сразу понимает, что происходит. Он думает, что я всё ещё задыхаюсь? Что мне нужно ещё помо-

щи? Он прижимает меня крепче.

— Ветрова, тихо, — говорит он мне куда-то в макушку.
— Всё нормально, дыши.

Дышу я, блядь! Дышу! А ты руки убрал!

Я начинаю визжать. Не громко, нет. Это такой сдавленный, истерический звук человека, который понял, что его попа только что сделала массаж паха заклЯтому врагу. Макар наконец-то соображает. Разжимает руки. Отпускает. Я отскакиваю от него как ошпаренная, разворачиваюсь и впечатываюсь спиной в книжный шкаф.

— Ты... ты... — голос срывается.

Лера в зуме смотрит на всё это с открытым ртом. Она переводит взгляд с меня на Макара и обратно.

— Я, кажется, перезвоню, — быстро говорит она и отключается.

Экран гаснет. И мы остаёмся вдвоём.

Я стою, прижатая к шкафу, с дико колотящимся сердцем, красная как рак, но не от того, что подавилась. Макар стоит посреди кабинета, поправляет пиджак и смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Какого черта ты тут делаешь, Герасимов?! — ору я, обретя наконец дар речи. — Пошёл вон, или ты меня на встрече не понял и маршрут в жопу пришел попросить в навигаторе построить?!

Он закатывает глаза. Спокойно так, будто я не ору, а обсуждаю погоду.

— Успокойся, Ветрова. Я тебе жизнь только что спас. А ведь когда-то сам бы с удовольствием придушил. — Он делает паузу и добавляет: — Не веди себя как ребёнок. Давай обсудим сделку.

— Не буду я с тобой ничего обсуждать! — рычу я. — И работать на тебя не буду! Ты мне за три года, что мы учились вместе, крови попил — мама не горюй! Ты когда выпускался, я джигу танцевала на сцене, где ты диплом получал!

Макар приподнимает бровь. Уголки губ дёргаются — он пытается сдержать улыбку.

— Серьёзно? Джигу? — Он склоняет голову набок. — А я думал, ты просто пьяная была и отплясывала, что на душе.

— Я была трезвая! — вру я нагло. На самом деле я была слегка под шафе, но это неважно.

— Ладно, — он делает шаг ко мне. Я вжимаюсь в шкаф сильнее. Он останавливается. — Ветрова, не бери на себя много и не беси. Я пришёл с дельным предложением. Если ты перестанешь истерить и послушаешь, может, мы что-то придумаем.

Он делает шаг ко мне. Я вжимаюсь в шкаф сильнее. Он останавливается.

— Если ты продашь своё агентство нашему холдингу, я предлагаю тебе должность своего заместителя по направлению работы с шоу-бизнесом. Все первоклассные звёзды и артисты будут твоими. — Он говорит это так, будто делает мне королевский подарок.

Я смотрю на него и вижу то, чего он, кажется, не осознаёт. За всей этой напускной важностью, за деловым тоном и предложением, которое должно меня осчастливить, скрывается дикое желание. Ему нужно моё агентство. Нужно как воздух. Иначе бы он не пришёл.

Я знаю его. За время учёбы я выучила все его повадки. Этот взгляд, чуть прищуренный, эту лёгкую напряжённость в плечах. Он охотник. И он хочет добычу.

Но я не добыча.

— Ты реально думаешь, что мне это интересно? — усмехаюсь я, отклеиваясь от шкафа и скрещивая руки на груди. — Меня тошнит уже от этих звёзд. Не тебе же приходится вечно разбираться, кто с кем трахался и кто с кем нюхал. Не тебе успокаивать истеричек-блогерш, которые рыдают из-за того, что у них лайков меньше, чем у бывшей лучшей подруги. Не тебе вытаскивать из передозов юных дарований, которые решили, что слава — это вечно. Они уже у меня в печёнках сидят. Все эти «звёздочки и ЗВЁЗДЫ» с их раздутыми эго.

Я делаю шаг вперёд. Теперь мы стоим друг напротив друга, и между нами сантиметров шестьдесят, не больше.

— Я хочу в мир большой политики. И только на этом условии продам агентство. Сделай меня замом по политическому и предвыборному пиару. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Тогда поговорим.

Макар молчит секунду. Потом на его губах появляется та

самая ухмылка, которую я ненавижу больше всего на свете. Снисходительная. Насмешливая.

— Не смей меня, выскочка. — Он произносит это медленно, смакуя каждое слово. — Какая тебе политика? Ты хоть представляешь, что это такое? Это не блогеров от хейта отмазывать. Там другие ставки, другие люди, другие правила. Ты просто не потянешь.

У меня внутри закипает. Но я молчу. Жду.

Он наклоняет голову, оглядывает меня с ног до головы — нарочито медленно, оценивающе. От рыжих растрёпанных кудрей до туфель на каблуках. Задерживается взглядом где-то в районе бёдер. Я чувствую, как этот взгляд буквально прожигает ткань костюма.

— Это как пытаться натянуть на твою пятую точку юбку размера S, когда у тебя явно L.

Что.

Он.

Сказал?

Я чувствую, как кровь приливает к лицу. Нет, не от смущения. От ярости. Этот гад только что оскорбил мой зад. Который, между прочим, абсолютно нормальный зад. Который, судя по тому, как он на меня смотрел в переговорной, ему вообще-то понравился. Вот за это он меня всегда и раздражал. Но сейчас не об этом.

— Что ты сказал? — шиплю я, и в голосе появляются металлические нотки.

— То, что ты слышала, — он пожимает плечами. — Политика — это не твой уровень.

Всё.

Дальше я действую на автомате.

Под столом у меня стоит веник. Да, обычный веник. Потому что уборщица вечно забывает свои инструменты, а я люблю порядок. Я нагибаюсь, хватаю веник и со всей дури луплю им Макара Герасимова.

— Ах ты говнюк мажористый! — ору я, нанося удар за ударом. — Пошёл вон из моего агентства! Чтобы ноги твоей здесь не было!

Веник со свистом рассекает воздух. Макар отскакивает, прикрываясь руками, но я успеваю заехать ему по плечу, по руке, кажется, даже по голове.

— Ветрова! — он уворачивается и пятится к двери. — Ты с ума сошла?!

— Нахер! — Я тычу веником в направлении коридора. — Нахер, я сказала!

Макар добирается до двери, открывает её и выскакивает за порог. Но прежде чем дверь захлопывается, он просовывает голову обратно и кричит:

— Фи, Сонечка, какие мерзкие слова для прекрасного ротика! И не стыдно? Когда куплю тебя, вымою рот с мылом! Вышлю новое коммерческое предложение тебе на почту!

Дверь захлопывается.

Я стою посреди кабинета с веником в руке, тяжело ды-

ша, и смотрю на дверь. Потом медленно опускаю веник. Потом до меня доходит, что я только что избила веником руководителя департамента крупнейшего медиахолдинга. Потом я вспоминаю, что за пять минут до этого отполировала ему своей S, которая ни капли ни L пах. Потом я понимаю, что он всё равно пришлёт новое предложение. И что он не отстанет. И что самое ужасное — я не знаю, злиться мне или смеяться.

Сажусь в кресло, смотрю на монитор. Лера в зуме не появляется — мудро. Набираю ей сообщение:

«Я его веником отлупила».

Через минуту приходит ответ:

«Я ТЕБЯ ОБОЖАЮ. РАССКАЗЫВАЙ»

Я смотрю на телефон и вдруг улыбаюсь.

Чёрт.

Кажется, скучно не будет.

Глава 4. Это вам немелкий шрифт, а хуже

POV Соня

Вечером, когда адреналин наконец упал до безопасного уровня, я сидела на полу собственного кабинета, прислонившись спиной к шкафу, и тупо смотрела на веник в углу. Хорошая вещь веник. Экологичный. Многофункциональный. Им можно подметать, им можно защищать свою честь и достоинство.

Телефон пиликнул. Я не хотела смотреть, но рука сама потянулась.

«Медиа-Дом: обновленное коммерческое предложение / Макар Герасимов».

Я представила, как он сидит сейчас в своей стеклянной башне, поправляет запонки и с предвкушением ждёт, когда я открою письмо. Представила его довольную физиономию, когда я начну психовать.

Злость придала сил. Я открыла.

И зависла.

Цена выкупа была настолько неприличной, что я пересчитала нули трижды, сбилась, пересчитала заново и поняла: это больше, чем я заработала за всё время существования «Вспышки». Вместе взятое. Если к этой сумме приба-

вить мой ежемесячный доход за ближайшие лет пять — получилось бы впритык.

Я перевела дыхание и полезла дальше.

Условия для сотрудников — отдельный абзац, написанный почти нежно. Сохранение всех ставок. Повышение окладов. Медицинская страховка, включающая стоматологию и реабилитацию. Обучение за счёт холдинга. Корпоративные бонусы, в том числе путешествия раз в год по бонусным направлениям. Yay!

Я представила Юльку, которая уже второй год откладывает на новое оборудование для визажа. Представила Илью, который спит на диване в офисе, потому что снимает комнату на окраине и добирается два часа. Представила Леру, которая работает удалённо и каждый раз прячет коляску от камеры, хотя я её сто раз просила не стесняться. И других моих алмазных ребят, которые в холдинге могут стать бриллиантами.

Они заслужили. Все они заслужили этот билет в большую лигу. Даже если этот билет мне вручает лично Макар Герасимов.

Дальше шёл пункт про должность. Я прочитала его трижды, надеясь найти подвох.

«Директор агентства после завершения сделки имеет право занять должность заместителя руководителя департамента PR по направлению шоу-бизнеса и блогерства либо назначить на данную должность любого сотрудника

из штата агентства по своему усмотрению».

Я выдохнула. Папа. Папа сядет в кресло директора на подписании, а потом передаст должность мне. И всё. Я получу место зама. По шоу-бизнесу, да. Не в политике. Но это будет плацдарм. А с плацдарма я уже как-нибудь доберусь до самого высокого этажа.

Сохранила письмо в папку «Важное» и набрала Лере:

«Он прислал новое предложение. Цифры — уму непостижимо. Команда в шоколаде».

Ответ пришёл через минуту:

«Ты соглашаешься?»

«Думаю».

«Думай быстрее. Пока он не передумал или пока ты его веником не добила окончательно».

Я фыркнула и отложила телефон. Приехав домой, не смогла ни поесть, ни попить, кусок в горло не лез. Так и просло-нялась из угла в угол, спать легла только под утро, прокручивая в голове варианты.

Следующий день прошёл как в тумане. Я раздавала указания, улыбалась или рычала на клиентов, подписывала бумаги, но всё время возвращалась к одному и тому же вопросу: **могу ли я позволить себе отказаться от этого?**

К вечеру я окончательно вымоталась и решила, что пора ехать к родителям. С папой нужно поговорить. И мамини фрикадельки с макаронами — это именно то, что доктор прописал после встречи с Герасимовым.

Мама открыла дверь раньше, чем я успела позвонить. Будто ждала.

— Сонечка! Бледная, худая, глаза провалились! Ты вообще ешь что-нибудь?

— Ем, мам.

— Фрикадельки готовы, макаронки тоже. Твои любимые. И пирог с капустой. Иди мой руки, садись.

За ужином я выложила всё. Про сумму. Про условия. Про команду. Про то, что агентство переходит под крыло «Медиа-Дома». И про то, что Макар Герасимов будет моим непосредственным начальником.

Мама, услышав фамилию, поджала губы.

— Это тот, который тебя выскочкой и пустоголовой обзывал? В университете?

— Тот самый.

— А что он за человек? — спросила мама, поворачиваясь к папе. — Ты же его на переговорах видел?

Папа отложил ложку, помолчал, покрутил в пальцах хлебный шарик.

— Молодой. Умный. Хватка есть. Но грубить девушке не надо было. Это минус.

Я хмыкнула. «Грубить» — мягко сказано.

— А что он тебе сказал? — тут же оживилась мама.

— Сделал вид, что не узнал, и пригрозил уволить, когда купит агентство, — ответила я. — Потом приперся ко мне в кабинет без стука, спас от удушья, а потом оскорбил мой зад

и профессиональные способности.

— Как? — Мама выронила вилку.

— Не важно, мам. Важно, что я его веником выгнала.

Папа неожиданно хмыкнул и спрятал усмешку в кружку с чаем. Мама перекрестилась.

— Володя, ты слышишь? Твоя дочь на работу ходит, как на войну!

— А там и есть война сейчас, — буркнула я.

Папа поставил кружку и посмотрел на меня внимательно. Тем взглядом, который я называла «шахматным» — когда он просчитывает все ходы на три партии вперёд.

— Дочка, — сказал он. — Надо соглашаться и не думать.

— Пап, ты опять за своё?

— Я за дело. — Он наклонился ко мне через стол. — Если сумма хорошая, условия для твоих ребят приличные, а ты сама хочешь — соглашайся. А все остальное — он усмехнулся, — всегда можно обернуть себе на пользу, если что-то пойдёт не так. Но жизнь, Соня, она для смелых. И для тех, кто умеет выигрывать, даже когда проигрывает в мелочах.

— То есть ты за то, чтобы подписать и не думать?

— Я за то, чтобы ты не боялась. — Он поднял кружку. — За смелых.

Я чокнулась с ним, сделала глоток чая и почувствовала, как внутри что-то отпускает. Папа прав. Нельзя упускать шанс только потому, что этот шанс пришёл в костюме от Brioni и с ледяными глазами.

На обратном пути я набрала номер Макара. Он взял трубку после второго гудка, будто ждал.

— Герасимов.

— Ветрова. Я согласна. Засылайте сватов-юристов.

На том конце повисла пауза. Я почти видела, как он прищурился, обдумывая мои слова.

— Уверены? — спросил он. Голос спокойный, даже слиш-ком.

— Абсолютно. Договор прочитаю самолично. Всё, до последней запятой.

— Хорошо. — В его голосе проскользнуло что-то, похожее на удовлетворение. — Завтра в десять приезжайте в офис.

— Хорошо. — Я хотела бросить трубку, но он опередил.

— До завтра, Сонечка.

Это прозвучало так, будто он пробует имя на вкус. Медленно. С намёком. У меня свело скулы.

— Что, Герасимов?

— Выспитесь сегодня. Завтра будет долгий день.

И отключился.

Я смотрела на потухший экран и чувствовала, как внутри закипает смесь злости и азарта. Он надо мной издевается. Он реально надо мной издевается. Но я ещё покажу ему, кто тут «Сонечка».

Ночь я опять почти не спала. Ворочалась, сбивала оде-яло, смотрела в потолок и прокручивала в голове все воз-

возможные варианты развития событий. Утром к сбору подошла ответственно, надела один из своих любимых официальных костюмов. Черный, в тонкую серую полоску, юбка-карандаш идеально обтягивала попу и подчеркивала мои прямые и красивые ноги, пиджак с баской же эту попу прикрывал, делая образ менее скучным и более игривым. Заколола волосы в пучок, оставив только одну выбившуюся прядь — для дерзости. В конце концов, если мне предстоит подписывать договор с человеком, который мечтает меня уничтожить, я хотя бы должна выглядеть на миллион.

В холдинг приехала за пятнадцать минут. Папа уже ждал в холле — в своём неизменном костюме-тройке, который надевал по самым важным поводам.

— Волнуешься? — спросил он, беря меня под руку.

— С чего бы? — Я улыбнулась. — Я же смелая, как ты сказал.

— Умница. — Он похлопал меня по руке. — И помни: подписываешь только то, что прочитала.

— Пап, я не вчера родилась.

— Знаю. Но иногда даже умные люди попадают на том, что им кажется очевидным. — Он прищурился. — Особенно когда рядом есть кто-то, кто отвлекает.

Я не стала уточнять, кого он имеет в виду. И так понятно.

В переговорной нас уже ждали. Макар сидел во главе стола — идеально выбритый, в безупречном стальном костюме, с папкой документов перед собой. По бокам от него распо-

ложились юристы и финансовый директор — та самая женщина лет сорока, которая на прошлой встрече смотрела на меня с лёгкой усмешкой. Теперь она смотрела с уважением.

— Владимир Петрович, Соня, — Макар кивнул, приглашая садиться. — Рад, что вы решили продолжить диалог.

— Вы просто оказались настойчивы, — парировала я, усаживаясь напротив.

Макар усмехнулся, но промолчал. Разложил перед нами договор.

— Прошу. Время у нас есть.

Я читала медленно. Не потому, что не доверяла, а потому, что не могла позволить себе снова оказаться в положении догоняющей. Каждый пункт, каждая цифра, каждое примечание. Сумма — та же, что в письме. Условия для сотрудников — те же. Должность директора — переход на позицию зама по шоу-бизнесу с правом назначения любого сотрудника из штата.

Папа, закончив со своей частью, откинулся на спинку кресла и ждал. Макар не торопил. Он вообще смотрел не на меня, а куда-то в окно, будто вид на Москву был важнее, чем моя подпись.

Я перевернула последнюю страницу. Всё чисто.

— Вопросы есть? — спросил Макар, поворачиваясь ко мне.

— Вопросов нет.

— Тогда подписываем.

Папа поставил подпись первым — как гендиректор «Вспышки». Потом Макар — как представитель холдинга. Юристы заверили, поставили печати, сложили документы в папки.

Всё. Сделка закрыта.

Папа встал, пожал руку Макару, поцеловал меня в щёку.

— Горжусь, дочка. — Он задержал на мне взгляд и тихо добавил: — Невозможно все учесть и уловить, если ты не съела на этом собаку, но ты не сдавайся.

— Пап, я всё прочитала и всё уловила.

— Вот и молодец. — Он хитро прищурился и вышел, уводя за собой юристов и помощников.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём.

Я собирала свои экземпляры документов, раскладывая их по папке. Макар сидел напротив, не двигаясь, и смотрел на меня с тем самым выражением, которое я уже начала ненавидеть: спокойное, выжидательное, чуть насмешливое.

— Что? — спросила я, не выдержав.

— Ничего. — Он откинулся на спинку кресла. — Смотрю на нового сотрудника.

— Зама, — поправила я. — Заместителя руководителя по шоу-бизнесу и блогерству.

Макар медленно улыбнулся. Улыбка у него была редкая, и от этого она выглядела опасной.

— А вот тут, Сонечка, есть одна небольшая проблема.

У меня ёкнуло под ложечкой.

— Какая?

— Должность зама по шоу-бизнесу на данный момент занята. Вакансии нет.

Я смотрела на него, и земля медленно уходила из-под ног.

— В договоре указано, — продолжил он, — что директор агентства вправе назначить на должность зама любого сотрудника из штата. Но в дополнительном соглашении, которое ты даже в руки не взяла в отличие от своего отца, указано — внимание, Сонечка — при наличии вакантной единицы.

Я схватила допсоглашение, лихорадочно зашелестела страницами. Нашла пункт. Перечитала. В самом низу второй страницы:

«Назначение на должность заместителя руководителя департамента осуществляется при наличии вакантной единицы в штатном расписании. В случае отсутствия вакансии сотрудник размещается на иную должность по усмотрению руководителя департамента».

Как я могла, еще угрожала этому придурочному, что все изучу до последней запятой, а в итоге придурочной в этой ситуации осталась я. Я не прочитала. Я поверила, что всё честно. Быстро пробежала глазами по остальным пунктам соглашения. Фух. Слава Богу! Ничего такого, что могло бы навредить моим сотрудникам, так только нюансы по расчету, по возможности отмены сделки с конскими штрафными санкциями (ну, конечно!) и этот долбаный пункт про ва-

кантную должность. Вот же лямблия блондинистая!

— Ты — начала я, и голос сорвался.

— Я предупреждал, — спокойно сказал Макар. — Говорил, что политика — это другой уровень. Там такие вещи случаются на каждом шагу. Если ты не можешь уберечься от подвоха в обычном договоре, о какой политике может идти речь?

— Это не подвох, это это

— Это бизнес, Ветрова. — Он встал и обошёл стол, остановившись напротив меня. — Я сделал тебе честное предложение. Ты его приняла. Подписала. Обратной дороги нет. Не мои проблемы, если ты невнимательна.

Я вскочила, чувствуя, как внутри закипает ярость. Мы стояли друг напротив друга, разделённые только углом стола.

— Что ты предлагаешь? — спросила я, и голос прозвучал ровно, хотя внутри всё кипело.

— Предлагаю тебе должность — он сделал паузу, — моего помощника.

— Что?!

— Помощника. — Он произнёс это слово так, будто речь шла о повышении. — Будешь рядом со мной, учиться, вникать в процессы. Покажешь себя — получишь должность, о которой мечтаешь.

— Носить тебе кофе? — Я сжала кулаки. — Планировать встречи? Отвечать на звонки?

— Учиться, — повторил он. — Ты хотела в политику — вот твой шанс. Помощник руководителя департамента видит всё. Все процессы, всех людей, все подводные камни. Если ты такая крутая, как о себе думаешь, — он насмешливо приподнял бровь, — ты справишься. И докажешь, что я не ошибся.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься. — Он сказал это так уверенно, что мне захотелось его ударить. — Ты подписала контракт. Твои сотрудники уже завтра выйдут на работу в холдинг. Ты не бросишь их, Ветрова. Ты не такая.

Я смотрела на него и понимала: он прав. Я не могу их бросить.

— Сколько? — спросила я.

— Что — сколько?

— Сколько я должна проработать помощником, чтобы ты признал, что я достойна большего?

Макар усмехнулся.

— Пока я не пойму, что ты готова. Или пока не освободится должномть. Сроков нет, Ветрова. Жизнь — не школьный экзамен, её не сдают по расписанию.

— Ты просто хочешь меня унижить, — выдохнула я.

— Я хочу проверить, на что ты способна. — Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отступила, упёршись спиной в стол. — Ты думаешь, что политика — это удачно замять скандал? Нет. Это люди, которые годами ждут своего часа.

Это умение ждать, учиться, впитывать. Это умение проигрывать, чтобы потом выиграть по-крупному.

Он наклонился чуть ближе, и я почувствовала запах его парфюма — дорогой, с нотками кожи и цитруса.

— Ты хочешь быть наверху, Ветрова? — тихо спросил он.
— Начни снизу. Докажи, что ты не просто выскочка с веником. Докажи, что ты профессионал.

Я смотрела в его серо-голубые глаза, и в них плясали чёртики. Он ждал. Он знал, что я скажу «да». Он просчитал всё с самого начала.

— Я согласна, — выдавила я. — Но ты пожалеешь.

— Сомневаюсь.

— Я заставлю тебя пожалеть, Герасимов.

Он выпрямился и улыбнулся — той самой улыбкой, от которой хотелось его убить.

— Посмотрим, Ветрова. Посмотрим.

Он развернулся и вышел из переговорной, оставив меня одну. Я стояла, опираясь руками на стол, и смотрела на закрытую дверь.

Потом медленно села на стул и уставилась в одну точку.

Помощница. Я, Соня Ветрова, которая шесть лет управляла агентством, которая вытаскивала из дерьма звёзд и блогеров, которая накануне послала его в жопу при всех юристах, — теперь буду носить ему кофе. Отомстил так отомстил.

Я закрыла лицо руками и просидела так минут пять.

Потом открыла ноутбук, нашла Леру в зуме. Она появи-

лась сразу, с чашкой чая и любопытным блеском в глазах.

— Ну? Как прошло?

— Я его помощница, — сказала я.

Лера поперхнулась.

— Чего?

— Помощница. Кофе носить. Встречи планировать. Учиться, блин.

— Он что, охренел?

— Он гений, — поправила я мрачно, — а меня развёл. В договоре было допсоглашение. Должность зама занята. Я могу стать его помощницей или уйти в никуда.

Лера молчала. Я видела, как в её голове крутятся шестерёнки.

— И ты согласилась?

— А у меня был выбор?

— Бросить всё к чертям?

— А команда? — Я повысила голос. — А Юлька? А Илья? А ты? Вы все теперь при деле, с окладами выше чем было, со страховками. Я не имею права это отбирать.

Лера вздохнула и отставила чашку.

— Ладно. Тогда план такой. Ты идёшь к нему в помощницы, но не просто кофе носишь. Ты втираешься в доверие, учишься, смотришь. А когда поймёшь, как там всё устроено, — она усмехнулась, — ты ему такое устроишь, что он вспомнит день, когда решил с тобой связаться.

Я посмотрела на неё и неожиданно улыбнулась.

— Лера, ты готова работать на ставку помощника помощника?

— Я готова работать хоть на 10 ставок, если ты мне купишь новую кофеварку.

Я рассмеялась. Впервые за этот день.

Потом закрыла ноутбук, собрала документы и вышла из переговорной. В холле меня ждал Игорь, секретарь Макара, с озабоченным лицом.

— Соня Владимировна, Макар Викторович просил показать вам ваше новое рабочее место. — Он указал на столик прямо у входа в кабинет руководителя. Напротив стоял такой же стол, за ним сидел сам Игорь. — Вот здесь. И сказал, что ваш первый рабочий день — завтра в девять.

Я посмотрела на столик. Маленький, узкий, с одним компьютером и лотком для бумаг. Место секретарши. Место помощницы.

— Передайте Макару Викторовичу, — сказала я, глядя прямо в глаза Игорю, — что завтра я приду с веником. И если он скажет хоть одно слово не в том тоне — я его выгоню уже с его собственного этажа.

Игорь сглотнул и кивнул.

Я вышла из холдинга, села в машину и набрала папу.

— Я его помощница, а не зам. Пап, ты читал?

— Что, дочка?

— Допсоглашение. Ты знал, что должность занята?

Папа помолчал.

— Читал. И надеялся, что это просто формальность. Но раз ты звонишь, значит нет. Я догадывался, что так будет. Но я знал и то, что ты справишься. Ты всегда справлялась, Соня. Даже когда было сложнее.

— Сложнее, чем быть помощницей у Герасимова?

— Ты в университете выдержала три года споров с ним. А тут — просто работа. И шанс. Реальный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.